

---

# ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

---

УДК 94(470.5)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.001

## Условия труда и быта китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны

**Е. Ю. Рукоусев<sup>1</sup>, Г. Н. Шумкин<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: rukosuev@mail.ru

<sup>2</sup>кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: shumk@mail.ru

**Аннотация.** На рубеже XIX–XX вв. в процессе модернизационных преобразований формируется система современных международных экономических отношений, важнейшим элементом которой является обмен рабочей силой. Российская экономика в целом обладала достаточными трудовыми ресурсами, но после массовых мобилизаций мужского населения в армию во время Первой мировой войны она приобретает актуальность во многих регионах страны. Эта проблема решалась применением труда военнопленных, мобилизацией на выполнение трудовой повинности местного, как правило, крестьянского населения и организованным ввозом иностранных рабочих из Китая, Кореи и Персии. В работе показаны причины появления китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны. Предпринята попытка на основе архивных документов комплексно осветить процесс трудовой миграции китайских рабочих на Урал в первой трети XX в. Рассмотрены постановления центральных и местных органов власти, на основе которых осуществлялась вербовка рабочих в Китае, их доставка на Урал и размещение на предприятиях. Особое внимание уделено таким вопросам, как квалификация и дисциплина рабочих, условия труда, заработная плата, жилищные условия, питание, охрана здоровья и др. Условия труда и быта рабочих, нанятых в Китае для уральских предприятий, были в целом хуже, чем у их российских коллег, и существенно отличались от тех формальных прав, которые были прописаны в нормативно-правовой документации. Но в то же время следует отметить, что материально-бытовое обеспечение рабочих находилось в прямой зависимости от производительности их труда.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, Урал, иностранные рабочие, китайские рабочие, материально-бытовые условия.

В процессе становления рыночной экономики в России прослеживается немало параллелей с аналогичным процессом, протекавшим больше столетия назад – во второй половине XIX – начале XX вв. В их числе – заметная активизация международных миграций, включая иммиграции китайцев в Россию. Данный процесс и в начале XX в., и на рубеже XX–XXI вв. вызывает озабоченность и тревогу российских властей и общественности. Сплоченные, преданные своей исторической родине и практически неподверженные ассимиляции, трудолюбивые и выносливые, адаптирующиеся к тяжелым условиям, китайцы рассматривались и рассматриваются как опасный или, во всяком случае, подозрительный, а потому нежелательный социальный элемент. Но при всем при этом они являются дешевой рабочей силой, которая может восполнить дефицит российских трудовых ресурсов, как это было, например, во время Первой мировой войны, когда на различные работы в горнодобывающей, лесной, строительной отраслях, в сельском хозяйстве было завербовано более 65 тыс. китайцев [1, с. 42]. Из них каждый шестой работал на предприятиях Урала.

Российская экономика конца XIX – начала XX вв. в целом обладала достаточными и даже избыточными трудовыми ресурсами и поэтому по сравнению со странами Западной Европы и Нового Света была слабо вовлечена в процессы международной миграции. Но на Дальнем Востоке ощущался дефицит рабочей силы. Здесь китайцы обосновались весьма прочно. Их труд

использовался в строительстве, сельском хозяйстве, на золотых промыслах, в качестве прислуги и т. д.

На Урале до Первой мировой войны численность китайцев была незначительна. По Первой всероссийской переписи 1897 г., в Пермской губернии зафиксировано всего два китайца [10, с. 36]. Во время Русско-японской войны на Урал были репатриированы заподозренные в шпионаже в пользу противника китайцы, корейцы и японцы. В 1905 г. в Перми проживало сосланных 69 китайцев [13, с. 192].

Проникновение китайцев на Урал активизировалось накануне Первой мировой войны. Циркуляром от 3 мая 1913 г. пермский губернатор И. Ф. Кошко поручил уездным полицейским исправникам «совершенно секретно, тактично и крайне осторожно выяснить в отношении всех... желтолицых, с какой целью они в данной местности появились, чем занимаются, на какие средства существуют, с кем ведут знакомство или вообще какие-либо сношения, не держат ли каких-либо отлучек, куда и с какой целью, не получают ли какой-либо корреспонденции, обращают ли на себя внимание, <...> установить за ними для выяснения всего этого тщательное, но безусловно конспиративное наблюдение». При этом следовало так выполнить это задание, чтобы не причинить «ни малейшего стеснения этим иностранцам» и не вызвать «подозрения о своем наблюдении» [5, ф. 65, оп. 1, д. 117, л. 4–5]. Рапорты уездных исправников показывают, что к лету 1913 г. в населенных пунктах губернии, за исключением Перми, постоянно проживавших китайцев не было. В Перми после Русско-японской войны постоянно жили 22 «желтолицых» (китайцы, японцы и корейцы) [5, ф. 65, оп. 1, д. 117, л. 8].

Негласная слежка за китайцами продолжалась и во время Первой мировой войны, по крайней мере, до конца 1915 г. Полицейские исправники каждую неделю посылали сведения губернатору. По этим сводкам вырисовывается такой портрет типичного китайца начала XX в., прибывшего самостоятельно на Урал: это мелкий торговец (реже – актер), 18–35 лет, холост, приехал с целью реализовать товар, редко подолгу задерживается в одном населенном пункте. Обычно китайцы переезжали группами 2–5 человек.

В целом власти относились весьма настороженно к проникновению китайцев на Урал, рассматривая их не иначе, как «желтую угрозу». Отношение властей к китайцам весьма откровенно выражено в письме директора Горного департамента В. И. Арандаренко от 5 мая 1914 г., разосланном по горнозаводским предприятиям Урала с требованием организации контроля за перемещением китайцев: «К нам стремится из Китая исключительно люд, которому терять решительно нечего и который, благодаря своим расовым свойствам и принципам, смотрит на многие вопросы совершенно иначе, чем русские и вообще европейцы, они во время своего пребывания в наших пределах являются элементом в высшей степени незаконномерным, совершают самые тягчайшие преступления и затем источником всевозможных инфекционных болезней, разносимых ими, так как не только их жилища, но и сами они при отсутствии у них самых элементарных понятий о санитарных требованиях являются в полном смысле слова очагом всевозможных болезней, кроме того, вместе с поселением китайцев наблюдается постепенный переход в их руки, благодаря минимальным требованиям и исключительной способности приспосабливаться ко всякой обстановке, многих отраслей чернорабочего труда, торговли и промыслов. Что же касается политической стороны вопроса, то, будучи непоколебимо стойкими в своей национальной культуре, не теряя духовной связи с родиной, оставаясь на чужой стороне верными сынами своего отечества и не чувствуя поэтому решительно никакой потребности ассимилироваться с окружающим его населением, китаец и с этой стороны представляется элементом прямо враждебным.... В этих соображениях и ввиду того, что наблюдается теперь движение китайцев в сторону Европейской России, принимает угрожающие размеры и что дальнейшее развитие этого движения, безусловно, повлечет за собой нежелательные для нас последствия и создаст русским людям непосильную конкуренцию во многих отраслях торговли и труда» [5, ф. 174, оп. 1, д. 97, л. 21–21об.].

Эти опасения имели под собой определенные основания. Косвенно один раз уральские рабочие уже проиграли китайцам в конкурентной борьбе. Во время промышленной депрессии 1905–1909 гг. возник проект перевода части уральских рабочих, лишившихся заработка в результате закрытия заводов, в Восточную Сибирь на строительство крепостных сооружений и Амурской железной дороги. Однако военные отказались от услуг уральских рабочих. Китайцы, по их мнению, были более дисциплинированы, менее склонны к пьянству, менее требовательны к условиям быта и, кроме того, не имели опыта революционной борьбы [6, ф. 24, оп. 20, д. 119, л. 14–16].

С началом Первой мировой войны ситуация изменилась кардинально. Массовые мобилизации трудоспособного мужского населения вызвали нехватку рабочих. Особенно пострадали лесное хозяйство и добыча каменного угля, составлявшие основу топливно-энергетической базы всей уральской промышленности и железнодорожного транспорта. Если в целом в горно-заводской промышленности Урала в первый год войны было мобилизовано 22,3 % рабочих, на основных, заводских производствах – только 12,5 %, то на вспомогательных производствах (лесозаготовках, добыче руды и каменного угля) было мобилизовано 43,7 % рабочих [8, с. 355]. В некоторых округах в результате мобилизации выбыло до 2/3 дроворубов и углежогов [7, с. 97]. «Явная недостаточность рабочих создает в настоящее время значительные затруднения в деятельности промышленных предприятий и заводов, в будущем грозит еще большими осложнениями, вплоть до прекращения отдельных производств. Нижнетагильский и Луньевский округа испытывают значительный недостаток рабочих рук на лесных заготовках. На заготовке лесных материалов в округах занято ежегодно 7800 человек, в настоящее время на этих работах занято 2520 человек – 38 % требуемого числа. Нанять рабочих из других губерний не удалось. Если такое положение сохранится, то заводы округа будут вынуждены сократить производство на 60-70 %, а некоторые производства – и совсем прекратить» [14, ф. 37, оп. 73а, д. 301, л. 2].

Нехватка рабочих рук на вспомогательных производствах привела к топливному кризису. Зимой 1914–1915 гг. было заготовлено меньше половины необходимого топлива [7, с. 97]. На рынке резко возросли цены на древесное сырье. Из-за недостатка топлива были потушены 22 доменных печи, выплавка чугуна сократилась с 55,7 млн пудов в 1913 г. до 46 млн пудов в 1916 г. [8, с. 355–356].

Чтобы покрыть дефицит трудовых ресурсов, к работам стали привлекаться военнопленные, жители Средней Азии и рабочие «желтой расы» – китайцы и корейцы.

В начале 1915 г. бывший сотрудник газеты «Новости жизни» Н. Л. Каплан, проанализировав для «Харбинского вестника» изменения в экономике страны с начала войны, пришел к выводу о том, что предприятия стали испытывать недостаток рабочих рук. 22 марта 1915 г. Н. Л. Каплан разослал по предприятиям и властям предложения об организации поставки китайских рабочих. Эта идея была подхвачена в Харбине [13, с. 582]. В марте 1915 г. председатель Харбинского биржевого комитета телеграммой известил Горный департамент Министерства торговли и промышленности о готовности комитета взять на себя посредничество в доставке рабочих китайцев на рудники и заводы и просил сообщить, не встретится ли этому вопросу препятствий со стороны правительства. Телеграмма эта была препровождена Министру путей сообщения с заключением, что пользование трудом китайцев в предприятиях горной и горнозаводской промышленности законом не возбраняется.

В апреле 1915 г. администрация Кизеловского горного округа князя С. С. Абамелек-Лазарева, в составе которого находились Кизеловские угольные копи, ходатайствовала перед пермским губернатором о разрешении привлечь к работам китайцев: «Лишь с помощью китайских рабочих можно надеяться исполнить наши обязательства по поставкам нашего каменного угля как казенным, так и частным учреждениям». По предварительным расчетам 3000 рабочих-китайцев дали бы увеличение ежемесячной выработки на 3 млн пудов. 22 мая 1915 г. в письме Пермскому губернатору о своем желании принять на работу 1000 китайцев заявило также и управление Нижнетагильского и Луньевского округов [14, ф. 37, оп. 73а, д. 301, л. 2, 23–24; 5, ф. 65, оп. 3, д. 569, л. 7–8].

Первые 650 китайских рабочих прибыли на Урал, в Кизеловский горный округ 4 августа 1915 г. [5, ф. 65, оп. 3, д. 569, л. 13]. Осенью 1915 г. партии китайских рабочих стали поступать регулярно. Основным поставщиком выступила фирма тобольского купца 2-й гильдии Д. Е. Дризина «Восточно-Иркутское мукомольное товарищество», имевшего своего представителя в Екатеринбурге.

Уже к декабрю 1915 г. китайцы работали, кроме Кизеловского округа Абамелек-Лазаревых, в Екатеринбургском уезде: на Медном и Калатинском рудниках, в Верхнетагильском лесничестве акционерного общества Верх-Исетских заводов, на Соймановских промыслах общества Кыштымских горных заводов, в Нижнеуфалейском заводе товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов, на химическом заводе акционерного общества Шайтанских горных заводов и в Пермском уезде – в лесничестве Камского акционерного общества в Чусовском заводе [2, с. 77–78].

К 1916 г. численность китайцев увеличилась до 10 тыс. человек [1, с. 42; 20, с. 13; 23, с. 298]. По подсчетам А. Л. Сидорова, в конце 1916 г. на предприятиях Урала было занято

178,6 тыс. человек рабочих, в том числе 53,4 тыс. (30 %) военнопленных и 10 тыс. (5,6 %) китайцев [17, с. 418]. Если принять во внимание, что китайцы были заняты в основном в заготовке дров и угледобыче, то, исходя из расчетов А. В. Дмитриева, оценивавшего численность рабочих Урала, занятых на заготовке топлива в 75-80 тыс. чел. [7, с. 106], можно предположить, что в этом важнейшем секторе уральской экономики каждый 8-10 рабочий был китайцем. В литературе встречаются и другие сведения, в частности, Л. А. Чемезова пишет: «На заводах одного лишь Верхотурского уезда работало около 20 тыс. китайцев и корейцев...» [22, с. 63].

Китайские рабочие прибывали на предприятия Урала вплоть до Октябрьской революции. По результатам обследования, проведенного в начале 1918 г. Отделом Желтого Труда Комиссариата Труда, к сентябрю 1917 г. на Уральских предприятиях работало 11 тыс. китайцев. Зимой-весной 1918 г. из-за начавшегося спада производства численность китайских рабочих стала сокращаться. К апрелю 1918 г. на предприятиях Урала работал 971 китайский рабочий [1, с. 40–43].

Сразу же после прибытия первой партии рабочих из нейтрального Китая за китайцами и их подрядчиками полиция установила пристальное наблюдение «с целью пресечения, с их стороны, шпионской деятельности» [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 103; 6, ф. 621, оп. 1, д. 288, л. 95] в пользу Германии. В рапортах уездных исправников достаточно точно отражено изменение численного состава китайских рабочих. Так, рапорты Соликамского уездного исправника показывают, что 7 марта 1916 г. на Губахинские копи прибыло 2000 человек; 12 июня 1916 г. на Мариинские копи – 130; 2 мая 1916 г. на Кизеловский завод 68 человек.

Трудовая миграция китайцев в российской исторической науке является относительно «новой» темой. В советской историографии вопросом китайской миграции на Урале исследователи обращались в основном в связи с изучением двух более крупных тем: рабочее движение на Урале накануне революции 1917 г. и интернационалисты в годы Гражданской войны.

В 1927 г. уральским Истпартом был издан трехтомный сборник документов «Рабочее движение в годы войны», в первом томе которого имеется подборка документов об использовании «желтого труда», а во введении, написанном А. П. Таняевым, содержится раздел, посвященный тяжелому социально-экономическому положению китайских рабочих на Урале: «Им не платили жалования, ограничиваясь выдачей продуктов, и при том в гораздо меньшем размере, чем это было обусловлено контрактами; а если платили, то размер и срок выплаты заработка устанавливались самые произвольные, ограничиваясь иногда выдачей 3-5 рублей за несколько месяцев; за каждую жалобу и недовольство своим положением или желание оставить работу они подвергались телесному наказанию. Не удивительно, что не было ни одного завода, рудника или шахты, чтобы китайские рабочие, выведенные из терпения этой бесчеловечной эксплуатацией, не бросали работы, что вело обычно к вооруженным столкновениям с полицией и стражниками, избиением китайцев и насильственным принуждением их встать снова на работу» [20, с. 14–15]. Эта характеристика вполне соответствовала тезису о двойном гнете нерусских народов в царской России и в различных вариациях была повторена в ряде работ [16; 17]. Но она противоречила нормативно-правовой базе пребывания китайских рабочих в России: законам, обязательным постановлениям местных властей, договорам руководителей предприятий с подрядчиками. Ключевой идеей нормативной документации касательно социально-правового положения китайцев было то, что они должны иметь «одинаковые условия, как для русских рабочих» [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2–4об.]. Детально условия труда и быта рабочих прописывались в договорах, которые заключались администрацией предприятий с подрядчиками, бравшими на себя поставку и организацию работы китайских рабочих. Социальное положение китайцев определялось нормами Российского права. 30 июля и 3 ноября 1915 г. Советом Министров были изданы постановления, предусматривающие паспортные льготы китайцам и корейцам, привлекаемым на работы в России. Постановлением от 15 марта 1916 г. были детально прописаны условия найма и перевозки китайских рабочих [14, ф. 37, оп. 73а, д. 301, л. 142–144]. Специально для промышленности Урала пермским губернатором М. А. Лозина-Лозинским были изданы «Обязательные постановления» (26 октября 1915 г. [6, ф. 645, оп. 4, д. 333, л. 40], 10 декабря 1915 г. [6, ф. 45, оп. 1, д. 252, л. 1] и 1 мая 1916 г. [6, ф. 45, оп. 1, д. 252, л. 1; 5, ф. 65, оп. 1, д. 151, л. 2]), дополненные секретной «Краткой инструкцией о порядке содержания под стражей и вывода на работы иностранцев» [6, ф. 621, оп. 1, д. 288, л. 131–131об.].

По этим документам на китайцев, корейцев и персов распространялись те же права и обязанности, что и на местных российских рабочих. Более детально условия труда и прожи-

вания китайских рабочих были расписаны в договорах, заключавшихся администрацией заводов с подрядчиками.

Чтобы разрешить противоречие между историографической традицией и формальными условиями труда, необходимо обратиться к делопроизводственной документации. Следует отметить, что систематического мониторинга социального положения китайцев не проводилось. Сведения по данному вопросу в основном отражены в переписке, вызванной какой-либо конфликтной ситуацией. Такие ситуации не были большой редкостью. Благодаря различным ограничениям, введенным в связи с военным временем, (запрету требовать внести изменения в контракт, запрету переходить на другое предприятие, запрету на самовольные отлучки с предприятия и т. д.), китайцы фактически были прикреплены к одному предприятию на срок действия контракта. Это создавало возможности для нарушения их прав, как со стороны администрации, так и со стороны подрядчиков.

Наиболее информативными являются документы комиссии, обследовавшей условия проживания и труда китайских рабочих на Кизеловских угольных копях в ноябре 1916 г. Эта комиссия была создана из-за того, что месяцем ранее вид крайне истощенных, возвращавшихся на родину рабочих вызвал международный скандал. Китайские власти стали препятствовать вербовке новых рабочих для работы в России. Очевидно, что негласной целью комиссии было предоставление таких сведений, которые могли успокоить и российские, и китайские власти. Поэтому при всей внешней объективности и взвешенности оценок комиссии в предвзятости ее членов сомневаться все же не приходится.

*Квалификация и дисциплина рабочих.* В основном труд китайских рабочих применялся на физически тяжелой работе, не требующей высокой квалификации: на лесозаготовках и на добыче руд и каменного угля, но на некоторых предприятиях использовались высококвалифицированные специалисты (например, на Надеждинском заводе китайские токари занимались обточкой артиллерийских снарядов). Несмотря на то что производительность китайцев была вдвое меньше, чем у русского рабочего, применение их труда помогло частично решить проблему энергетического кризиса в регионе. На Кизеловских копях размеры добычи угля оставались на довоенном уровне.

Весьма серьезной проблемой для администраций предприятий оказалась крайне низкая квалификация большинства китайцев, весьма слабая трудовая дисциплина, склонность к симуляциям. При этом китайцы в конфликтных ситуациях проявили себя как сплоченная и хорошо организованная масса, которая не боялась российских тюрем и других репрессий со стороны властей.

Заводууправления, как правило, заключали с подрядчиками контракт на поставку рабочих определенной квалификации и имеющих опыт работы по профилю. Например, по договору, заключенному в июле 1915 г. Конторой Кизеловского горного округа с фирмой Д. Е. Дризина, фирма брала на себя обязательство поставить на угольные копи округа 3000 рабочих. Из них 2250 (75 %) должны были быть знакомы с добычей минерального сырья, в их числе две трети должны были забойщиками и одна треть – катальями [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 116]. В договоре управляющего Нижнетагильским и Луньевским округами Б. А. Рулева с подрядчиком Хо-Го-Жуном были прописаны аналогичные требования к квалификации рабочих: «Рабочие должны быть хорошо знакомы с заготовкой дров и рубкой леса, не моложе 20 лет и не старше 40 лет, вполне здоровые и работоспособные» [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 46].

Однако подрядчики нередко не выполняли своих обязательств и на предприятия прибывали люди, которые не только не обладали должным опытом, но и не имели ни малейшего представления о тех работах, которые им предстояло выполнять. Так, Нижнеуфалейский завод выписал через фирму Д. Е. Дризина 230 дроворубов, доставлены же были углекопы [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 69]. В первой партии китайцев, завербованных фирмой Д. Е. Дризина для Кизеловских угольных копей, вместо трех четвертей горнорабочими оказалась только половина [5, ф. 65, оп. 5, д. 154, л. 14–15]. А остальные прибывшие под видом горнорабочих, по словам окружного инженера Чердынского горного округа Н. П. Блументаля, представляли собой «всякий сброд в виде цирюльников, фокусников, цветочников и прочих типичных представителей китайского пролетариата, никогда в шахтах не работавшего» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38].

Аналогичная картина наблюдалась и на предприятиях Екатеринбургского уезда. Екатеринбургский уездный исправник писал пермскому губернатору о нанятых Кыштымским горным округом китайцах следующее: «Заводами заключены договоры с фирмой Д. Е. Дризина на доставку рабочих известных специальностей, слесарей и дроворубов, большинство же ока-

залось сбродом, не имеющим понятия о назначаемой им работе; в слесари присланы такие, которые никогда не видели слесарного станка, а дроворубами – не имеющие понятия об обращении с пилой и подходом к дереву» [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 34–35]. Многие китайцы категорически отказывались работать на воздухе – рубить дрова и выполнять земляные работы [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 42–42об.].

Свидетельства официальных лиц подтверждаются данными статистики. Так, на 1 февраля 1917 г., когда система вербовки китайских рабочих уже была отлажена, на Надеждинском заводе на основных, горнозаводских работах, требовавших достаточно высокой квалификации, был занят 61 % русских рабочих, 54 % военнопленных и только 27 % китайцев. На вспомогательных работах (транспортировка, обеспечение рудой и топливом) были, соответственно, 39 % русских, 46 % военнопленных и 73 % китайцев.

Таблица 1

**Распределение рабочей силы по основным цехам Надеждинского завода\***

| Цехи           | Русские        |                 | Военнопленные  |                 | Китайцы        |                 |
|----------------|----------------|-----------------|----------------|-----------------|----------------|-----------------|
|                | горнозаводские | вспомогательные | горнозаводские | вспомогательные | горнозаводские | вспомогательные |
| Доменный       | 415            | 139             | 190            | 163             | –              | –               |
| Мартеновский   | 378            | 215             | 183            | 59              | 85             | 65              |
| Механический   | 424            | 218             | 114            | 226             | –              | 12              |
| Крупносортовый | 625            | 165             | 167            | 47              | –              | 72              |
| Снарядный      | 630            | 868             | 60             | 104             | 96             | 325             |

\* Буранов Ю. А. Положение и состав рабочих Надеждинского завода в годы Первой мировой войны (к Февральской революции 1917 г.) // Из истории заводов и фабрик Урала : сборник статей. Вып. II. Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск, 1963. С. 168.

Многие из вновь прибывших имели весьма смутные представления о трудовой дисциплине. Прогулы, симуляции болезней, побеги с предприятий были в их среде нормой. В Белорецком округе более двух месяцев не могли организовать работу китайцев [5, ф. 65, оп. 5, д. 167, л. 8–38]. В декабре 1915 – январе 1916 гг. из 251 китайцев в среднем ежедневно на работу выходил только 121 рабочий. Попытки организовать рабочих при помощи традиционных репрессивных средств (угроза тюрьмы), как правило, не давала никакого эффекта. Чаше получалось «обратное действие», «так как китайцы при водворении их в тюрьмы нашли их настолько хорошо обставленными, что старались поставить себя в такие условия, чтобы их вновь подвергли тюремному заключению» [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 42]. Поэтому в качестве меры принуждения китайцев к труду в Кизеловском и Богословском округах использовалась запрещенная порка нагайками. По словам служащего Нижнетагильского округа Мишина, наблюдавшего за работой китайцев в Кизеловском округе, китайцы-переводчики утверждали, что некоторые ленивые китайцы нуждались «в порке, как куске хлеба» [6, ф. 643, оп. 1, д. 333, л. 29об.]. Серьезная проблема для властей возникла из-за китайцев, прибывавших на заработки по чужим паспортам. Уже в сентябре 1915 г. полицией было установлено, что лица на фотографиях в паспортах «не всегда похожи» на лица владельцев паспортов [5, ф. 65, оп. 5, д. 152, л. 35].

Очевидно, что в низкой квалификации завербованных рабочих были ответственны, в первую очередь, подрядчики. А. И. Габеев, бывший драгоман при Управлении Китайско-Восточной железной дороги, так описывал деятельность подрядчиков в Китае: «Вновь открывшиеся в Харбине и других местах Маньчжурии частные конторы <...> набор рабочих <...> производят по линии Китайско-Восточной железной дороги и в окружающих, ее местах, <...> они вербуют всех попавших под руку бродячих китайцев, из которых добрая половина окажется не только ни на что путное не способной, но еще выделит из себя выходцев весьма вредных и опасных, как для остальных рабочих, так и для тех мест, где они окажутся» [14, ф. 48, оп. 1, д. 145, л. 6–7об.].

Наибольшие нарекания и заводчиков, и властей вызывала фирма Д. Е. Дризина, не обладавшая ни опытом вербовки рабочих, ни знанием рынка труда в Китае, но развернувшая при этом самую бурную деятельность. Некомпетентность ее представителей, а иногда и явное мошенничество, отмечалась на всех предприятиях, куда фирма поставляла рабочих-китайцев. Попытки привлечь подрядчиков к ответственности не давали желаемого результа-

та. Например, во время конфликта на Белорецких заводах представители фирмы Д. Е. Дризина, Н. Л. Каплан и М. Б. Дененбург скрылись. Первый был мобилизован в армию, второй – уехал в Китай [5, ф. 65, оп. 5, д. 167, л. 38].

Следствием низкой квалификации, усугублявшейся слабым представлением китайцев о трудовой дисциплине, был низкий уровень производительности труда. В среднем производительность труда китайцев составляла не более 40 % обычной выработки русского рабочего. Она в большей мере соответствовала производительности труда военнопленных и каторжан, работавших исключительно по принуждению. Низкая производительность труда китайцев не могла не отразиться и на их заработках, и на отношении к ним нанимателей, которые, не желая терпеть убытки, старались свести к минимуму выполнение своих обязательств перед рабочими (бесплатное жилье, топливо, освещение, еда, медицинское обслуживание и т. д.).

В завершение сюжета о квалификации китайских рабочих и их дисциплинированности приведем данные о динамике рабочих в Кизеловском горном округе на конец 1916 г. Из 6692 китайцев, завербованных в июле 1915 – ноябре 1916 гг., для работы на Кизеловских копиях:

1361 человек (20,3 %) сбежал из поезда по дороге на Урал;

603 (9,0 %) – были отправлены обратно в Китай из-за непригодности к работе по состоянию здоровья (ревматизм, цинга, чахотка, глазные болезни, слепота, порок сердца, сифилис, худосочие, малокровие);

142 (2,1 %) – были отправлены на родину за активное участия в «бунтах»;

1618 (24,2 %) – сбежали из округа (часть бежавших была поймана и водворена на место работы);

38 (0,6 %) – умерло в Кизеловском округе;

319 (4,8 %) – уехали осенью 1916 г. по окончании срока договора.

Таким образом, к началу 1917 г. на предприятиях округа оставалось 2611 (39,0 %) рабочих.

Однако картина была бы не полной, если бы мы не обратились к тем положительным качествам китайских рабочих, которые отмечались работодателями.

Во-первых, они были настроены нейтрально по отношению к России и уже поэтому были лучше военнопленных. Как отмечал управляющий Кизеловского округа горный инженер В. Н. Грамматчиков, «пленные же кроме плохой – может быть, умышленно – работы, представляют, <...> опасность для копей, ибо один фанатик может устроить пожар копи, несмотря на все принимаемые меры» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 48].

Во-вторых, китайцы работали круглый год практически без выходных и летом в период сенокоса. Местное горнозаводское население в июле уходило в «отпуск», чтобы заготовить сено, вследствие чего производство резко сокращалось, а некоторые предприятия полностью останавливали работу.

В-третьих, в условиях острого дефицита рабочей силы заводчикам выбирать не приходилось. Особенно если учесть, что труд китайских рабочих в основном использовался в горнодобывающем производстве и на лесозаготовках. Данная работа на Урале всегда считалась самой тяжелой, наименее оплачиваемой. Поэтому еще до начала Первой мировой войны, задолго до начала массовых мобилизаций эти производства испытывали дефицит рабочих рук [7, с. 78–81]. Например, на Саткинском заводе для того, чтобы обеспечить предприятие топливом, администрация допускала к снарядоотделочным работам в цехе только тех рабочих, которые выполнили норму вырубki дров.

И, наконец, в-четвертых, граждане Китайской Республики, экономика которой была охвачена сильнейшей безработицей, являлись очень дешевой рабочей силой. Благодаря языковому барьеру и неграмотности, их обманывали и заводчики, и подрядчики, и свои же «старшинки», и переводчики. Более того, низкооплачиваемыми китайцами можно было шантажировать местных рабочих, требовавших увеличения заработков, «полегчавших» из-за инфляции как минимум в три раза за время войны [15, с. 15; 7, с. 109]. Как бы ни жаловались заводчики на высокие издержки, связанные с доставкой китайцев и выполнением различных формальностей, ни одно крупное хозяйство до конца 1917 г. не желало добровольно отказываться от применения их труда. Очевидно, что только одно это качество перекрывало все названные и неназванные недостатки китайских рабочих.

*Условия труда.* Рабочий год должен был длиться 350 дней. Китайским рабочим в год предоставлялось 15 выходных – пять обязательных нерабочих русских праздничных дней и не более десяти дней китайских праздников [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 34об., 46об.; 5, ф. 65, оп. 3,

д. 595, л. 50]. Рабочий год русского рабочего в довоенный период был значительно меньше. В начале XX в. средняя продолжительность рабочего периода в фабрично-заводской промышленности Европейской России составляла 287 дней, а в горнозаводской промышленности Урала – 214 дней [3, с. 177; 9, с. 73]. Правда на Кизеловских коях, столкнувшись с крайне низкой дисциплиной рабочих, администрация при заключении контракта с подрядчиками Крыловым и Ти-Ю-Сином сократила количество обязательных рабочих дней в году до 300 (по 25 – в месяц) [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 119].

Рабочий день длился 10,5 часа, плюс время на обед [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2об.; ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 116об.]. То есть в год китаец должен был отработать 3570 часов, что в среднем на 1000 часов превышало продолжительность рабочего года на вспомогательных производствах горных заводов Урала в конце XIX – начале XX вв. [3, с. 177]. При этом условия труда на лесозаготовках и в шахтах были крайне тяжелыми. «Условия труда на уральских шахтах, нелегкие сами по себе, усугублялись большим притоком в выработки грунтовых вод. В Кизеловско-Губахинском районе угольные пласты залегали в карстовых известняках, так что работать нередко приходилось по колено в воде. Осенью и зимой, просачиваясь с поверхности почвы, она была очень холодной. Поэтому, кроме традиционных профессиональных заболеваний, местные шахтеры страдали от ревматизма и туберкулеза» [3, с. 174]. «Куренные рабочие, бесспорно, подвергались меньшей опасности, чем шахтеры или люди, соприкасавшиеся с горячим металлом. Однако условия труда в лесу, где все делалось вручную, были также нелегкими. Летом заготовителей топлива одолевал гнус, зимой они работали на морозе, по колено в снегу. Сплавщикам дров в период весеннего половодья приходилось подолгу находиться в холодной воде» [7, с. 111–112].

В начале 1916 г. вице-губернатор Пермской губернии Н. Н. Максимов изучил условия жизни китайцев на горных заводах Екатеринбургского уезда. Среди замеченных им нарушений наиболее распространенными являлись: отсутствие перевода условий работ и расценок с русского на китайский язык, нехватка переводчиков, стражи для охраны рабочих на случай побега, отсутствие помещений, приспособленных для содержания арестованных рабочих, отсутствие у некоторых рабочих паспорта [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 68–70об.].

*Заработная плата.* Сведения о реальной зарплате и рабочие, и администрация по разным причинам стремились скрыть от официальных лиц [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 54–54об.]. Представление о величине денежного заработка дает счет рабочего углекопа Ин-Тао-Тхина, умершего в апреле 1916 г. от гангрены на каменноугольных коях Кыштымских горных заводов.

С сентября 1915 г. по конец марта 1916 г. он работал с ежедневной оплатой по 70 коп. Всего им было заработано 75 руб. 54 коп. Удержано за прокорм в прогульные дни по 30 коп. в день – 20 руб. 10 коп. (получается, что он из 175 дней отработал 108 и прогулял 67 дней). Касой было выдано на руки 22 руб. 75 коп. Вычеты за одежду и обувь составили 24 руб. 18 коп. Всего было выдано 67 руб. 03 коп. Оставалось к выдаче на руки из заработанного 3 руб. 00 коп. и 30 руб., удержанных в качестве обеспечения при приеме на работу. За вычетом долга контроле – 24 руб. 49 коп. – осталось 8 руб. 51 коп. Из этой суммы 70 коп. было выдано старшинке китайцев Чан-Зы-Сян на поминование, а остальные 7 руб. 81 коп. отосланы семье в город Анпинзян – жене и двум сыновьям [4, ф. 10, оп. 1, д. 407а, л. 728–729].

Низкие расценки за труд китайцев были вызваны также и явной дискриминацией иностранцев со стороны местной администрации. Так, Н. Л. Каплан обращал внимание на то, что в лесничествах Верх-Исетского, Сергинско-Уфалейского и Кыштымского горных округов китайским рабочим платили по 3-4 руб. за кубическую сажень дров, в то время как частные лесопромышленные предприятия и казенные лесничества своим рабочим платили не менее 5 руб. [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 40–41об.].

Широкое распространение получили различные вычеты из зарплаты. Из зарплаты китайцев создавался страховой фонд на случай побега или ухода рабочего на другое предприятие. После завершения контракта эти деньги, правда, уже обесцененные инфляцией, рабочему возвращались. На эти цели ежемесячно в течение полугода высчитывалось по 5 руб., что должно было составлять для рабочих на Кизеловских коях 28,7 % заработка «поверхностного» и 24,6 % «подземного» рабочего [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 116–117]. Дневной заработок наземного рабочего составлял 60 коп., рабочего, работающего под землей, – 70 коп. При 29-дневном рабочем месяце (365 минус 15 выходных) первый мог заработать 17,4 руб., второй – 20,3 руб. Следует, однако, отметить, что после ряда выступлений китайских рабочих их заработок был увеличен, а с ноября 1916 г. они стали получать наравне с русскими рабочими

[6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 118–121]. На рудниках из зарплаты китайцев высчитывали стоимость свечей и взрывчатки, рыночные цены на которые во время войны резко возросли. В Кизеловском, Богословском, Нижнетагильском горных округах (обычно в связи с переходом на сдельную оплату труда) прекращалось бесплатное снабжение рабочих продовольствием [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 60–61]. За малейшие провинности рабочих штрафовали [6, ф. 45, оп. 1, д. 297, л. 16–17].

Китайцам изначально предлагались более низкие расценки, и те, очевидно, не зная цен в России, на них соглашались. Например, в декабре Уральский областной военно-промышленный комитет предлагал заводчикам услуги финских «пильщиков». За одну складочную сажень не колотых на дрова поленьев длиной в 33 вершка (147 см) профсоюз финских лесорубов просил 4 руб. [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 43–43об.] В апреле 1916 г. китайский подрядчик Хо-Го-Жун договорился с управлением Нижнетагильского и Луньевского горных округов о поставке китайских лесорубов. За одну складочную сажень округ соглашался платить по 2 руб. 70 коп. Причем дрова должны быть распилены «строго длиной» 1,5 аршина (106,5 см) и расколоты, и складочная сажень для китайцев «при, безусловно, плотной кладке» была больше, чем для финнов. В месяц китаец должен был вырубать не менее 7 сажень. То есть его месячный заработок составлял 18,9 руб., а дневной – около 63 коп. [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 47]. Китайцы были «запорожены» на 2 года. За этот срок китаец должен был заготовить 168 сажень колотых дров. Финны подряжались на вырубку не более 50 сажень на каждого. Таким образом, один китаец за 400 руб. соглашался вырубить в три раза больше дров! Понятно, почему уральские заводчики ни разу не обратились к услугам финнов, а китайские рабочие прибывали на Урал вплоть до октября 1917 г.

Нередко в среде китайцев, разобравшихся в уровне цен в России, начинались волнения с требованием повысить оплату труда. Например, уже в августе 1915 г., сразу по прибытии первой партии китайских рабочих в Кизеловский округ, они начали забастовку. «Находя поденную плату 60-70 коп., при готовом содержании, низкой», рабочие потребовали увеличить оплату до 1 руб. 10 коп. [5, ф. 65, оп. 3, д. 593, л. 11–11об.] Однако, как правило, рабочим не удавалось добиться удовлетворения своих требований. По нормативным документам они не имели права требовать изменения условий найма в течение всего срока действия контракта, и поэтому официальные власти, несмотря на то что некоторые ее представители выражали сочувствие рабочим, поддерживали заводчиков.

Если учесть, что за годы войны цены на продукты питания и товары массового спроса выросли в 4-6 раз, а расценки на основные виды работ по рубке дров, выжигу и транспортировке угля для русских рабочих увеличились в 1,5-2,5 раза [7, с. 108.], то следует признать, что труд китайских рабочих обходился уральским промышленникам очень дешево.

**Жилищные условия.** Основным показателем условий проживания в начале XX в. являлась кубатура воздуха в помещении на одного человека в кубических саженях (куб. саж.). В материалах комиссии, обследовавшей условия труда на Кизеловских угольных копях в ноябре 1916 г., содержатся данные о жилищных условиях рабочих. Сводные данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Жилищные условия на Кизеловских угольных копях\***

| Копи            | Жилья на одного человека (куб. саж.) |         |         |         |       |
|-----------------|--------------------------------------|---------|---------|---------|-------|
|                 | Русские и татары                     | Китайцы | Киргизы | Пленные | Итого |
| Половинка       | 1,27                                 | 0,83    | 0,47    | 0,71    | 1,18  |
| Верхняя Губаха  | 1,33                                 | 0,69    | –       | 0,50    | 0,97  |
| Нижняя Губаха   | 1,45                                 | 0,54    | –       | –       | 1,20  |
| Княжеская       | 1,14                                 | 0,68    | –       | 0,79    | 1,00  |
| Княгининская    | 1,02                                 | 0,82    | –       | 0,41    | 0,87  |
| Коршуновская    | 1,29                                 | 0,61    | –       | 0,58    | 0,90  |
| Всего по копям: | 1,33                                 | 0,71    | 0,47    | 0,59    | 0,97  |

\* ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 78–79об.

Материалы таблицы показывают, что в среднем на одного китайского рабочего приходилось почти в два раза меньше воздуха в жилом бараке или казарме, чем на русского рабочего; но в полтора раза больше, чем на киргиза (казаха), и в 1,2 раза больше, чем на военно-

пленного. То есть жилищные условия китайцев были ближе к военнопленным, чем к русским рабочим, а на Княжеской копи были даже хуже, чем у военнопленных. Интересно отметить, что обеспеченность жильем находилась в прямой зависимости от производительности труда рабочих. Китаец-рабочий вырабатывал каменного угля в два раза меньше, чем русский, но больше, чем военнопленный или рабочий, завербованный в Средней Азии.

Следует, однако, учесть, что примерно половина русских рабочих проживала в этих помещениях вместе со своими семьями. Китайцы, киргизы и военнопленные по понятным причинам были бессемейными рабочими. По действовавшим еще с довоенного времени правилам один рабочий без семьи должен был быть обеспечен жильем с объемом воздуха не менее 1,5 куб. саж.; на семью из четырех человек должно было приходиться не менее 3 куб. саж.

Таким образом, при общем количестве русских рабочих 4835 человек и общей площади их жилья 6421,09 куб. саж. на одного русского холостого рабочего приходилось:  $(6421,09/3) / (4835/2) \approx 0,9$  куб. саж.

То есть условия проживания русских рабочих оказывались не многим лучше, чем остальных групп рабочих. В целом ни у одной группы рабочих жилищные условия не соответствовали требованиям. Как объясняла администрация Кизеловского округа, «скученность рабочего населения на копиях <...> неизбежна, <...> так как в противном случае соблюдение установленных норм требовало бы не увеличения, а сокращения добычи угля, что противоречит в высшей степени серьезным требованиям, предъявляемым военным временем» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 43]. Следует отметить, что и в довоенное время соблюдение норм обеспечения жильем рабочих на Урале и в целом по России было скорее исключением, чем нормой. Если коренное горнозаводское население, имевшее собственные дома, было обеспечено жильем сравнительно неплохо, то относительно рабочих приисков и рудников утверждать этого нельзя. Например, в 1881 г. в среднем на одного жителя поселков горных заводов Екатеринбургского уезда (Невьянского, Петрокаменского, Верхнетагильского, Быньговского, Шуралинского, Рудянского и Верх-Нейвинского) приходилось 1,68 куб. саж. воздуха в жилых помещениях. В 1891 г. на золотых приисках в Серебрянской даче на одного человека приходилось 0,33 куб. саж.; в 1882 г. на Чернушкинском руднике Кыштымского завода – 0,45 куб. саж. [3, с. 275, 281]. В 1908 г. на одного рабочего-текстильщика в Петербурге приходилось от 0,84 до 0,97 куб. саж., на рабочего кожевенного производства в Нижнем Новгороде в 1901 г. – от 0,3 до 0,5 куб. саж. [9, с. 244].

Касательно китайцев, обеспечение их жильем осложнялось их внутренней жесткой стратификацией. Например, китайцы-плотники не желали жить вместе с горнорабочими [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 43].

**Питание.** Помимо зарплаты, рабочие бесплатно получали продовольствие из расчета в месяц на человека: 1 пуд 20 фунтов – 1 пуд 30 фунтов (24,57–28,66 кг) муки крупчатки 2-го сорта, 6 фунтов (2,5 кг) постного масла, 8 фунтов (3,28 кг) соленой рыбы, 2 фунта (0,8 кг) соли, 8 фунтов (3,28 кг) проса или пшена, морской капусты 8 фунтов (3,28 кг) или обыкновенной капусты 1 пуд (16,36 кг), разных приправ на 80 коп. [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2–4об.]. Рацион рабочих был достаточно стандартным. Ниже для наглядности в таблице 3 сведены условия обеспечения продовольствием китайских рабочих на предприятиях трех округов: Богословского, Нижнетагильского и Кизеловского.

Таблица 3

**Месячные нормы обеспечения китайских рабочих провиантом по договорам, заключенным между подрядчиками и администрацией предприятий\***

|                                  | Округ        |                 |             |
|----------------------------------|--------------|-----------------|-------------|
|                                  | Богословский | Нижнетагильский | Кизеловский |
| Мука крупчатка 2-го сорта (фунт) | 70           | –               | 60          |
| или 3-го сорта (фунт)            | 100          | 100             | –           |
| Масло постное (фунт)             | 6            | 6               | 6           |
| Соленая рыба (фунт)              | 8            | 8               | 8           |
| Пшено (фунт)                     | 8            | 8               | 8           |
| Капуста или картофель (фунт)     | 20           | 20              | 40          |
| Соль (фунт)                      | 2            | 2               | 2           |
| Приправы (копейки)               | 80           | 80              | 80          |

\*ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 274. Л. 2; Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 116; Ф. 643. Оп. 4. Д. 333. Л. 46–48.

Сравнение условий обеспечения продовольствием китайских рабочих с рационом русских рабочих (см. табл. 4) показывает, что питание китайцев формально было примерно таким же, как и у русских, и по качеству пищи, и по калорийности. Пища была насыщена углеводами при почти полном отсутствии белков животного происхождения. Основу рациона составлял черный хлеб, который давал более 70 % энергетической ценности всего питания. Энергетическая ценность дневного рациона рабочего Каменского завода составляла 4681,8 Ккал, рабочего-рудкопа медеплавильного завода – 4470,9 Ккал, китайского рабочего в Богословском округе – 4817 (при снабжении мукой 3-го сорта) или 3688,8 (при снабжении мукой 2-го сорта) [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2; 3, с. 246, 250.].

В то же время питание китайцев качественно было значительно хуже питания военнопленных, социальное положение которых защищалось не только российским законодательством, но и международной Гаагской конвенцией 1907 года. Пленным полагался паек по рациону нижних чинов русской армии. При примерно таком же количестве печеного хлеба военнопленный ежедневно получал щи или суп с 0,25 фунта (102 г) мяса, 0,43 золотника (1,8 г) чая, 6 золотников (25,6 г) сахара [19, с. 107].

Таблица 4

**Дневной рацион рабочих уральских предприятий (граммы)\***

| Составляющие рациона           | Рабочего-китайца на Богословских заводах, 1916 г. | Рабочего Каменского завода, середина 1880-х гг. | Рудкопа медеплавильного завода Пермской губернии, начало 1880-х гг. |
|--------------------------------|---------------------------------------------------|-------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------|
| Черный хлеб из муки 2-го сорта | 1385,4                                            | 1414,1                                          | 1983,2                                                              |
| Черный хлеб из муки 3-го сорта | 1979,2                                            | –                                               | –                                                                   |
| Масло постное                  | 81,9                                              | 4,3                                             | 2,6                                                                 |
| Соленая рыба                   | 109,2                                             | 58,5                                            | –                                                                   |
| Крупа                          | 109,2                                             | 136,5                                           | 53,5**                                                              |
| Капуста                        | 273,0                                             | 53,8                                            | 71,1                                                                |
| Картофель                      | 273,0                                             | 269,3                                           | 748                                                                 |
| Соль                           | 27,3                                              | 26,8                                            | 32                                                                  |

\*Подсчитано по: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 274. Л. 2; Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900. Численность, состав, положение. М., 1985. С. 246, 250.

\*\*Горох.

Формально по договорам свой весьма однообразный паек китайские рабочие должны были получать бесплатно за счет нанявших их заводчиков. Однако, столкнувшись с неожиданно низкой производительностью рабочих, администрации предприятий стремились заменить бесплатное снабжение продажей продовольствия китайцам, что не могло не отразиться на их заработках и качестве питания [6, ф. 45, оп. 1, д. 252, л. 12]. Во время войны «вздорожание продуктов питания на 300-400 % обрекало рабочих на голодное существование» [11, с. 211].

Кроме того, следует учесть, что китайцы были не адаптированы к новым для них пищевым продуктам, что вызывало в их среде вспышки цинги. В качестве средства борьбы с цингой окружной инженер Н. П. Блументаль предлагал разнообразить рацион рабочих капустой, перцем, луком, «а также давать внутрь, как лекарство, раствор соляной кислоты» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 100–100об.]. Следует отметить, что данная проблема была в целом характерна для китайских рабочих в России. Например, цинга у рабочих, занятых на строительстве Мурманской железной дороги, была распространена очень широко [13, с. 637]. Чтобы предотвратить возникновение цинги, заводоуправления стали выписывать из Китая более привычные для рабочих продукты питания: сушеную рыбу, перец, лук, чеснок, сою [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 54–54об.].

Но даже непривычными продуктами рабочие снабжались весьма нерегулярно. Расстройство транспорта затрудняло доставку хлеба на заводы. Под продовольственные грузы для Урала ежедневно назначалось 75 вагонов, подавалось же их не более 50, и то нерегулярно [11, с. 214]. Как следствие, из-за перебоев с поставкой продовольствия вспыхивали голодные бунты [13, с. 632].

В самой среде китайских рабочих обеспечение имело свои особенности. На тех предприятиях, где распределение продуктов среди китайских рабочих не контролировалось местной администрацией, некоторые, по-видимому, более привилегированные артели получали значительно больше продуктов. Данная несправедливость объяснялась тем, что эти артели привыкли «лучше кушать» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 103–103об.].

**Здоровье.** По действовавшим правилам медицинскую помощь китайцы должны были получать бесплатно. Кроме того, рабочим, проработавшим не менее шести месяцев и потерявшим трудоспособность в результате травмы, предприятие обеспечивало бесплатный проезд на родину и провиант на всю дорогу.

В среде китайских рабочих проблема здоровья была весьма острой несмотря на то, что они еще в Китае проходили обязательный медицинский осмотр. Примерно каждый десятый из прибывших на Кизеловские копи не был допущен к работам по состоянию здоровья. Администрация округа была вынуждена их сразу отправить обратно на родину.

Оставшиеся китайцы обращались за медицинской помощью в два раза чаще, чем рабочие из других групп (русские, татары, казахи, военнопленные) – на долю китайцев приходилось 26,6 % рабочих (2464 из 9237). В течение десяти месяцев 1916 г. лечилось 1043 рабочих, из них китайцев – 579 (55,5 %).

Основные заболевания китайцев – травмы (23,1 %), нарывы, фурункулы (11,2 %), воспаление дыхательных путей (10,4 %), грипп и другие инфекции (10,4 %), болезни глаз (7,6 %), «болезни кишков» (7,4 %) [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 47]. Высокая подверженность различным болезням объяснялась местными властями рядом причин.

Во-первых, «непривычка» к климату.

Во-вторых, «неосторожность» китайцев: «Нередко вспотевший, разгоряченный китаец идет, распахнувшись зимой против ветра, и смеется, когда ему указывают запахнуться».

В-третьих, изменившееся питание. Китайцы не получали традиционных продуктов: напитка ханьшина или сули (маньчжурской водки) и острых приправ. Кроме того, китайцы, по заявлениям местных властей, были «весьма неразборчивы и неопрятны в пище (едят сырые грибы, травы)».

В-четвертых, «детски легкомысленное отношение» к работе было причиной высокого уровня травматизма.

В-пятых, преднамеренные травмы: «всыпание в глаза золы, песку, нюхательного табаку, мелу и пр.; повреждение полового члена перетяжкой ниткой, вталкивание в крайнюю плоть инородных тел: ниток, бумаги, ваты» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38], вызванные желанием «не работать, а быть на больничном содержании».

В-шестых, нечистоплотность, «которая чрезвычайно осложняет все поранения, мозоли и нарывы, а так как очень часто китайцы не обращаются своевременно к помощи, то нередки случаи заражения крови со смертельным исходом» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38]. «Свое знаменитое, национальное неряшество китайцы сюда доставили целиком и до ужаса поражают даже наших, невзыскательных приисковых рабочих» [12].

Отношение к больным часто также не соответствовало элементарным требованиям. Окружной инженер Чердынского округа Н.П. Блументаль в своем письме управляющему Кизеловским округом В.Н. Граматчикову писал: «Перевозка на лошадях увечных, требующих серьезных хирургических операций рабочих, из Губахи и Половинки в Кизеловскую больницу не только не отвечает нормальным требованиям постановки медицинской части в больших предприятиях, но и противоречит понятиям простой человечности» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 104]. Возможно, что чувство пережитой несправедливости предопределил во время Гражданской войны в России выбор китайцев.

Рабочий, утративший трудоспособность и проработавший не менее шести месяцев, получал бесплатный обратный проезд до станции Манчжурия и шесть рублей на пропитание.

Слабая обеспеченность предприятий медицинским персоналом, языковой барьер стимулировали в среде рабочих практику лечения средствами китайской традиционной медицины. Эффективность этих методов, по мнению врачей, была весьма сомнительна. Например, во время изучения комиссией условий труда китайских рабочих на Кизеловских копиях в ноябре 1916 г. «в одной из казарм <...> усмотрен был больной глазами китаец, при чем из расспросов через переводчика выяснилось, что он только один раз показался и был на приеме у доктора; больше он на прием не приходил, очевидно, предпочитая лечиться собственными “домашними” средствами, несмотря на то что в результате применения таковых средств нередко китайцев постигает полная слепота на оба глаза» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38].

Рассмотренный материал дает основание сделать следующий вывод. Условия труда и быта рабочих, нанятых в Китае для уральских предприятий, были в целом хуже, чем у их российских коллег. Они примерно соответствовали тем условиям, в которых находились военнопленные. Этот вывод ближе к историографической традиции, чем к букве закона. То, что

большинство китайских рабочих после истечения срока контракта оставались на предприятии, вовсе не означает, что им были обеспечены приличные условия жизни. Очевидно, что на родине их ожидали еще менее радостные перспективы. В то же время следует отметить, что материально-бытовое обеспечение рабочих находилось в прямой зависимости от производительности их труда – предприниматели не желали заниматься благотворительностью.

Однако все права китайцев могли быть нарушены администрацией благодаря ограничениям военного времени – запрету требовать внести изменения в контракт, запрету на переход на другое предприятие и запрету на самовольные отлучки с предприятия. Фактически китайские рабочие оказывались привязанными к одному предприятию на весь срок действия контракта. Это давало большие возможности для их притеснения со стороны как подрядчиков, так и администрации предприятий.

В результате на предприятиях к гражданам из нейтрального Китая часто складывалось отношение хуже, чем к военнопленным, за соблюдением прав которых следил международный Красный Крест.

Плохое отношение к китайцам на Кизеловских угольных копях спровоцировало международный скандал осенью 1916 г. Вид истощенных, больных цингой, плохо одетых рабочих-китайцев, возвращавшихся на родину, вызвал волнение во встречах эшелонах вновь завербованных китайцев и озабоченность китайского правительства, которое стало препятствовать работе подрядчиков [6, ф. 111, оп. 1, д. 254, л. 56].

Такое отношение к китайским рабочим часто приводило к конфликтным ситуациям. Особенно сложной была ситуация на Кизеловских угольных копях, где социальный протест в самых различных формах – от забастовок и прямого насилия над «старшинками» (представителями администрации из числа китайцев), до побегов и симуляций болезни – были обычным явлением [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 44–97; д. 152, л. 61–62об.; д. 154, л. 23–54]. К лету 1916 г. из 6,5 тыс. вывезенных из Китая рабочих на Кизеловских копях работало 3,5 тыс. человек, 195 человек было выслано на родину по болезни и за участие в забастовках, а остальные – почти 3 тыс. человек – бежали [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 33, 35–35об.].

Конфликты с участием китайцев могли принимать весьма острый характер и продолжаться длительное время. Большая часть конфликтов была вызвана различными недоразумениями. Нередкими были конфликты в самой среде китайских рабочих. Так, «Алапаевское восстание», во время которого китайцы оказали вооруженное сопротивление полиции, было спровоцировано конфликтом между китайскими рабочими и Жен-Фу-Ченом – представителем подрядчика в Алапаевском горном округе [5, ф. 65, оп. 5, д. 159, л. 1–26; 6, ф. 180, оп. 1, д. 940, л. 107–110; ф. 181, оп. 1, д. 1, л. 103]. Кроме того, попав в иную культурную среду, китайские рабочие самоорганизовывались под руководством неформальных лидеров, которыми нередко становились лица с криминальным опытом – бандиты-хунхузы, которые, управляя рабочими массами, пытались диктовать свои условия администрации предприятий и властям. Следует отметить, что возможность организации и деятельности преступных группировок оценивалась властями как весьма реальная [5, ф. 65, оп. 5, д. 167, л. 15]. В некоторых конфликтах основной причиной было желание китайцев пересмотреть условия контракта, навязать свою волю заводской администрации, как это было, например, на Белорецком заводе.

Конфликты на межнациональной почве не принимали серьезных масштабов из-за того, что иностранцы в начале XX в. занимали действительно вакантные рабочие места и поэтому не воспринимались в качестве конкурентов.

После революции в конце 1917 г. на Урале начался спад промышленного производства. Началась репатриация китайцев на родину, но она была прервана Гражданской войной. Китайцы приняли в ней активное участие, в основном на стороне красных. Части, сформированные из китайских интернационалистов, воевали на всех фронтах Гражданской войны, в том числе и в уральском регионе. На Урале был сформирован пехотный полк, полностью укомплектованный китайцами. Командиром полка был назначен Жен-Фу-Чен, бывший представитель подрядчика при китайских рабочих, работавших в Алапаевском округе. Во время наступления белых осенью 1918 г. эта часть была почти полностью уничтожена. После войны процесс возвращения китайцев на родину был возобновлен. Однако не все китайцы покинули Советскую Россию. Небольшая часть их осталась и приняла заметное участие в жизни советского общества. В 1923–1924 хозяйственном году в Уральской области проживало 645 китайцев, что составляло около 0,1 % от общей численности населения области (6 365 195 чел.). Из них в Верхнекамском округе проживало 114 чел., в Екатеринбургском – 223, в Пермском – 116,

в Челябинском – 83, в Шадринском – 49 чел. Типичный среднестатистический китаец на Урале того времени являлся жителем города – 618 чел. (96 %), мужчиной – 622 чел. (96 %), неграмотным – 450 чел. (70 %). Более высокий уровень грамотности был у мужчин – 192 грамотных (30,9 %), из 23 женщин-китайок, проживавших на Урале, грамотными были только три (13 %) [21, с. 32–35]. Китайцы занимались мелочной торговлей, содержали прачечные.

К 1930-м гг. китайская диаспора практически полностью исчезает, часть бывших граждан Китая была выслана на родину или репрессирована, часть – обрусела.

### Список литературы

1. Аникст А. Организация распределения рабочей силы (Статьи и доклады за 1918–1920 гг.). М., 1920.
2. Бушмаков А. В. Китайские и корейские рабочие в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность : материалы интернет-конференции. Пермь, 2008. С. 75–81.
3. Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900. Численность, состав, положение. М., 1985.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).
5. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
7. Дмитриев А. В. Состав и положение лесных рабочих горнозаводского Урала в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1990. С. 96–113.
8. История Урала в период капитализма. М., 1990.
9. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979.
10. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.
11. Очерки большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951.
12. Пермская земская неделя. 1915. 8 ноября. № 44.
13. Петров А. И. История Китайцев в России. 1956–1917 годы. СПб., 2003.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА).
15. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.
16. Селенгин А. Дружба, скрепленная кровью // Урал. 1958. № 2. С. 111–114.
17. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
18. Смирнов С. В. Китайские и корейские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны: проблемы взаимоотношений с русскими // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 146–149.
19. Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны в Златоусте и Златоустовском уезде // Вторые Бушуевские чтения. Челябинск, 2004. С. 105–110.
20. Таняев А. П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. С. 5–34.
21. Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. Свердловск, 1925.
22. Чemezova JI. A. Дело корейцев по найму: рабочие Богословского горного округа Пермской губернии 1916–1917 гг. // Уральское востоковедение : международный альманах. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 60–66.
23. Щербаков Ю. Иностранцы интернационалисты на Восточном фронте (1918 г.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 297–337.

## Conditions of work and life of Chinese workers on Urals in the years of the First World War

**E. Yu. Rukosuev<sup>1</sup>, G. N. Shumkin<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of history and archeology,  
Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Yekaterinburg. E-mail: rukosuev@mail.ru

<sup>2</sup>PhD of Historical Sciences, senior researcher, Institute of history and archeology,  
Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Yekaterinburg. E-mail: shumk@mail.ru

**Abstract.** At the turn of the XIX–XX centuries in the process of modernizing transformations, the system of modern international economic relations is formed, the most important element of which is the exchange of labor. The Russian economy as a whole had sufficient labor resources, but after mass mobilizations of the male population in the army during the First World War, it becomes relevant in many regions of the country. This problem was solved by the use of prisoners of war, the mobilization of the local, usually peasant, population to perform labor duties, and the organized importation of foreign workers from China, Korea, and Persia. The paper shows the reasons for the

appearance of Chinese workers in the Urals during the First World War. An attempt is made on the basis of archival documents to comprehensively cover the process of labor migration of Chinese workers to the Urals in the first third of the XX century. The resolutions of central and local authorities, based on which the recruitment of workers in China, their delivery to the Urals and placement at enterprises were carried out, are considered. Special attention is paid to such issues as the qualification and discipline of workers, working conditions, wages, housing conditions, nutrition, health protection, etc. The working and living conditions of workers employed in China for Ural enterprises were generally worse than those of their Russian counterparts, and significantly different from the formal rights that were prescribed in the regulatory documents. But at the same time, it should be noted that the material and household provision of workers was directly dependent on the productivity of their labor.

**Keywords:** First World War, the Urals, foreign workers, Chinese workers, material and living conditions.

## References

1. Anikst A. *Organizatsiya raspredeleniya rabochei sily (Stat'i i doklady za 1918–1920 gg.)* [Organization of labor distribution (Articles and reports for 1918–1920)]. M. 1920.
2. Bushmakov A. B. *Kitajskie i korejskie rabochie v Permskoy gubernii v gody Pervoy mirovoj vojny* [Chinese and Korean workers in the Perm province during the First World War] // *Federal'naya migratsionnaya sluzhba i migratsionnye processy v regionah Rossii: istoriya i sovremennost': materialy internet-konferencii* – Federal migration service and migration processes in the regions of Russia: history and modernity : materials of the Internet conference. Perm. 2008. Pp. 75–81.
3. Gavrilov D. V. *Rabochie Urala v period domonopolisticheskogo kapitalizma. 1861–1900* [Workers of the Urals in the period of pre-monopolistic capitalism. 1861–1900. Number, composition, status]. M. 1985.
4. State archive of the Orenburg region (SAOR).
5. State archive of Perm territory (SAPT).
6. State archive of Sverdlovsk region (SASR).
7. Dmitriev A. V. *Sostav i polozhenie lesnykh rabochih gornozavodskogo Urala v gody Pervoy mirovoj vojny* [Composition and status of forest workers of the mining Urals during the First World War] // *Sotsial'no-ekonomicheskoe i pravovoe polozhenie rabochih Urala v period kapitalizma (1861–1917 gg.)* – Socio-economic and legal status of workers of the Urals during the period of capitalism (1861–1917). Sverdlovsk. 1990. Pp. 96–113.
8. *Istoriya Urala v period kapitalizma* – History of the Urals in the period of capitalism. M. 1990.
9. Kir'yanov Yu. I. *Zhiznennyj uroven' rabochih Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Living standard of workers in Russia (late XIX–early XX)]. M. 1979.
10. *Obshchij svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoj vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 goda* – General summary of the results of the development of data for the first general population census, conducted on January 28, 1897. SPb. 1905.
11. *Ocherki bol'shevistskikh organizatsij na Urale* – Essays on Bolshevik organizations in the Urals. Sverdlovsk. 1951.
12. *Permskaya zemskaya nedelya* – Perm regional week. 1915. November 8. No. 44.
13. Petrov A. I. *Istoriya Kitajcev v Rossii. 1956–1917 gody* [History of the Chinese in Russia. 1956–1917 years]. SPb. 2003.
14. Russian state historical archive (RSHA).
15. *Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 goda (v cifrah)* – Russia in the world war of 1914–1918 (in figures). M. 1925.
16. Selengin A. *Druzhba, skreplennaya krov'yu* [Friendship, sealed with blood] // *Ural* – Ural. 1958. No. 2. Pp. 111–114.
17. Sidorov A. L. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoy mirovoj vojny* [Economic situation of Russia during the First World War]. M. 1973.
18. Smirnov S. V. *Kitajskie i korejskie rabochie na Urale v gody Pervoy mirovoj vojny: problemy vzaimootnoshenij s russkimi* [Chinese and Korean workers in the Urals during the First World War: problems of relations with Russians] // *Vtorye Tatishchevskie chteniya* – Second Tatishchev readings. Yekaterinburg. 1999. Pp. 146–149.
19. Surzhikova N. V. *Voennoplennye Pervoy mirovoj vojny v Zlatoust i Zlatoustovskom uezde* [Prisoners of war of the First World War in Zlatoust and Zlatoust district] // *Vtorye Bushuevskie chteniya* – Second Bushuev readings. Chelyabinsk. 2004. Pp. 105–110.
20. Tanyaev A. P. *Ural'skij rabochij nakanune i v gody imperialisticheskoy vojny* [Ural worker on the eve and during the imperialist war] // *Rabochee dvizhenie v gody vojny* – Labor movement during the war. Sverdlovsk. 1927. Pp. 5–34.
21. *Ural'skij statisticheskij ezhegodnik 1923–24 g.* – Ural statistical yearbook 1923–24. Sverdlovsk. 1925.
22. Chemezova L. A. *Delo korejcev po najmu: rabochie Bogoslovskogo gornogo okruga Permskoy gubernii 1916–1917 gg.* [The case of Koreans for hire: workers of the Theological mountain district of the Perm province in 1916–1917] // *Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyj al'manah* – Ural Oriental studies: international almanac. Yekaterinburg. 2005. Is. 1. Pp. 60–66.
23. Shcherbakov Yu. *Inostrannye internacionalisty na Vostochnom fronte (1918 g.)* [Foreign internationalists on the Eastern front (1918)] // *Internatsionalisty v boyah za vlast' Sovetov* – Internationalists in the battles for Soviet power. M. 1965. Pp. 297–337.